

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане7
- Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.* Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction..... 31
- Серегин Н. Н., Горбунов В. В.* Новые материалы раннетюркского времени из Северного Алтая47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бурнаков В. А.* Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ63
- Рыблова М. А.* Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции.....78
- Петров Д. М., Прокопьева А. Н.* Захоронение «божества»: почитание особых покойников у якутов (на материалах памятника XVIII в. Буут Айыыта).....91

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Норкина Е. С., Колесов В. И.* Проблемы религиозной жизни горских евреев Северного Кавказа во второй половине XIX в. 111
- Шершнева Е. А.* Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в.125
- Дашковский П. К., Траудт Е. А.* Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) 140
- Сметанин Ф. А.* Мусульманская умма соборной мечети Иркутска 1990-х гг. в контексте десекуляризации..... 161
- Элбакян Е. С., Кравчук В. В.* Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования РФ174

- ДЛЯ АВТОРОВ**194

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. I.</i> Glazed ceramics of Ostolopovo settlement (Tatarstan, XI–XII centuries).....	7
<i>Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.</i> Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction.....	31
<i>Seregin N. N., Gorbunov V. V.</i> New materials of the early Turkic period from Northern Altai	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Burnakov V. A.</i> Fish in the traditional worldview of the khakas: the image and symbol.....	63
<i>Ryblova M. A.</i> The poor, the wrongheaded, and the faint in the Don Cossacks community: statuses and functions	78
<i>Petrov D. M., Prokopenva A. N.</i> Honoring the departed: the reverence for exceptional deceased among the Yakuts (insights from the 18th-century burial site of Buut Aiiyyta)	91

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

<i>Norkina E. S., Kolesov V. I.</i> Religious life of mountain Jews in the North Caucasus in the second half of the XIX c.	111
<i>Shershneva E. A.</i> State control over muslim beneficency in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries.....	125
<i>Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.</i> State regulation of religious processes in the USSR national autonomies during “perestroika” (lessons from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic).....	140
<i>Smetanin F. A.</i> Muslim ummah of the cathedral mosque of Irkutsk in the 1990s. in the context of desecularization	161
<i>Elbakyan E. S., Kravchuk V. V.</i> Attitude of students to extremism and its prevention in higher education.....	174
FOR AUTHORS	194

УДК 394

DOI 10.14258/nreur(2024)2–05

М. А. Рыблова

Южный научный центр РАН,
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

УБОГИЕ, ХАЛАУМНЫЕ И ОБМЕРШИЕ В ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ОБЩИНЕ: СТАТУСЫ И ФУНКЦИИ

На основе анализа данных периодики XIX в. и полевых этнографических материалов в статье рассматривается положение «анормальных» членов традиционной общины донских казаков, к которым отнесены больные, калеки, нищие, сумасшедшие и обмершие, т. е. люди с ограниченными или со специфическими умственными и физическими способностями. Эти категории общинников названы учеными «анормальными», так как у них произошел некий сбой в реализации жизненного сценария, связанный с отклонением от того, что сообщество признавало «нормой», и отсутствием такого признака, как парность. Выделяя эту группу и номинируя ее членов особыми терминами, традиционная казачья община в то же время проявляла к ним особое внимание и заботу. Оказание помощи «убогим» считалась среди казачьего населения делом богоугодным с религиозной точки зрения и обязательным — с мирской. Зажиточные казаки нередко оказывали им весьма значительную материальную поддержку.

Признавала община за некоторыми из анормальных и символический пограничный статус, что приводило к возложению на них некоторых сакральных функций. Так, увечные и больные казаки, непригодные к строевой службе, назначались в табунщики-отарщики и при этом совершали святочные обходы дворов. Некоторые из убогих, становились *перехожими старцами*, которые, посещая казачьи поселения, занимались исполнением духовных песнопений — псалмов. За некоторыми из числа анормальных признавался статус *знающих*, т. е. владеющих сакральными знаниями и умениями. В целом можно констатировать, что в рамках общины эти группы людей не только получали материальную и моральную поддержку, но и находили свое место (несмотря на ограниченность возможностей) в духовной и социальной сферах жизни общинного мира.

Ключевые слова: традиционная община донских казаков, анормальные, убогие, калеки, нищие, сумасшедшие, обмершие, статус и функции

Для цитирования:

Рыблова М. А. Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 78–90.

DOI: 10.14258/nreur(2024)2–05.

M. A. Ryblova

*Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Volgograd State University, Volgograd (Russia)*

THE POOR, THE WRONGHEADED, AND THE FAINT IN THE DON COSSACKS COMMUNITY: STATUSES AND FUNCTIONS

The article presents the unique status of “abnormal” individuals within the traditional Don Cossack community, encompassing the sick, the crippled, the poor, the insane, and the deceased. These individuals are labeled as “abnormal” by scholars due to deviations from the community’s perceived norms and the absence of certain societal markers like pairing. Despite this categorization, the traditional Cossack community displayed a distinct level of attention and care towards these members by singling them out with specific terms.

Within the Cossack society, aiding the less fortunate and disabled was not only deemed a religiously commendable act but also a secular obligation. Wealthier Cossacks often extended substantial financial support to those in need. Some individuals within the “abnormal” group were recognized for their symbolic border status, leading to the attribution of sacred duties to them. For example, those unfit for combat service due to illness or disability were assigned roles such as herding livestock and conducting Yuletide rounds in the yards.

Certain “abnormal” individuals were acknowledged as possessing specialized knowledge, granting them a revered status within the community. Overall, it can be observed that these marginalized groups not only received material and emotional support within the Cossack community but also found a meaningful place, albeit with limited opportunities, in both the spiritual and social realms of communal life.

Keywords: the traditional community of the Don Cossacks, abnormal, poor, crippled, beggars, wrongheaded, faint, status and functions

For citation:

Ryblova M. A. The poor, the wrongheaded, and the faint in the Don Cossacks community: statuses and functions. *Nations and religions of Eurasia*. T. 29, № 2. P. 78–90 (in Russian). DOI: 10.14258/nreur(2024)2–05.

Рыблова Марина Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, ведущий научный сотрудник Волгоградского государственного университета. **Адрес для контактов:** ryblova@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Ryblova Marina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, a leading researcher at Volgograd State University. **Contact address:** ryblova@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Введение

Община в течение многих веков была основой русской социальной жизни. Не представляя собой уникальное или специфически русское явление (подобные организации существовали, например, во многих регионах Ближнего и Среднего Востока), она, тем не менее, была основой самоидентификации крестьянского и казачьего населения России вплоть до 1920-х гг. Без детального изучения и реконструкции форм и способов ее жизнедеятельности (в разное время и на разных территориях России) невозможно во всей полноте воспроизвести и понять особенности культуры и мировоззренческих установок русского народа, а также нынешнего его состояния. Неслучайно научный интерес к русской общинной жизни не угасает уже на протяжении нескольких веков; проблемам русской общины посвящено огромное количество публикаций.

Изучая самые разные сферы русской общинной жизни, исследователи не обошли вниманием и тех общинников, которые получили название аномальных. Предложившая этот термин Т. А. Бернштам относила к ним безбрачных, вдовых, сирот, солдаток, калек и больных от рождения, родивших до брака и незаконнорожденных [Бернштам, 1988: 39]. В дальнейшем к проблеме положения в крестьянских общинах некоторых категорий «аномальных» (вдов, сирот, незаконнорожденных) обращались и другие исследователи [Мухина, 2013; Гура, Кабакова, 1995; Прокопьева, 2005; Березович, 2011; Мужики и бабы, 2015: 403–406].

Характеризуя «аномальных», Т. А. Бернштам отмечала, что это люди, у которых произошел некий сбой в реализации жизненного сценария, связанный с отклонением от того, что сообщество признавало «нормой» [Бернштам, 1988: 39]. Правда, в связи с этим определением возникает вопрос: как в рамках русской народной традиции определялась эта социальная «норма», т. е. какая жизнь (доля/судьба) признавалась нормальной (хорошо, правильно прожитой), а какая «аномальной»? Некоторые исследователи русской народной традиции отмечали, что важнейшим признаком аномальных была их «непарность» (овдовевшие, осиротевшие) [Мухина, 2013: 323]. Действительно, этот признак считался в народе важнейшим; парность была связана, в свою очередь, с темой плодородия/чадородия, и в более широком аспекте — с мировой гармонией. Но вновь возникает вопрос: была ли парность обязательным признаком социальной нормы? Ведь в какие-то периоды жизни человек должен был быть непарным, например, до брака или после смерти одного из супругов.

Применительно к общинам донских казаков уже исследовались такие категории аномальных, как незаконнорожденные [Власкина, 2006; 2011: 297–306], старые девы [Рыблова, Когитина, 2019] и вдовы [Рыблова, 2021]. Исследователи показали, что эти категории общинников находились под неусыпной заботой всего общинного мира; они имели свои особые привилегии и права, а также возможности для социальной и духовной реализации, несмотря на реальные трудности их жизни.

Что касается людей с умственными и физическими ограничениями или особенностями, то их положение в донских казачьих общинах до настоящего времени не изучалось. Представляется необходимым выяснить их статусы, способы реализации жизненных сценариев, функции, которые они выполняли в общине, а также формы помощи и поддержки, которые оказывались им со стороны общинного мира. По всей ви-

димости, можно рассчитывать и на выявление неких специфических черт в положении этой группы аномальных в казачьих общинах по сравнению с крестьянскими.

Материалы и методы

Для решения сформулированных выше задач нами использовались данные донской периодики второй половины XIX в. («Донская газета», «Донские епархиальные ведомости», «Донская жизнь», «Казачий вестник», Сборник Областного войска Донского статистического комитета), а также полевые этнографические материалы, собранные в местах компактного проживания донских казаков на территории Волгоградской области (экспедиции Волгоградского государственного университета и личные поездки автора статьи).

Оценивая общину как строго организованную и четко функционирующую социальную систему, в качестве основного исследовательского метода мы избрали структурно-функциональный. Он дает возможность определить место и основные функции людей с ограниченными или особыми умственными и физическими способностями в рамках этой сложной структуры, рассматривая эти процессы как сложно организованные связи, т. е. учитывая и отношение сообщества к этой категории людей, и их собственный вклад в общинную жизнь.

Убогие

Одним из синонимов слова «убогий» в русском языке является слово «недостаточный» [Современный русский толковый словарь Ефремовой], что в полной мере соотносится с их определением в качестве людей с ограниченными умственными или физическими способностями. Этот термин позволяет объединить в одну группу — калек (недостаточных физически) и нищих (ограниченных материально, а нередко — и с физическими недостатками).

Собранные материалы показали, что практически в каждом казачьем поселении были люди с физическими и умственными отклонениями. Они всегда были на виду у одностаничников и хуторян, находясь на особом положении. Наши информанты хорошо помнили каждого из жителей своего населенного пункта (станции или хутора), если они имели подобные отклонения от нормы. Их называли по именам, часто — в уменьшительно-ласкательной форме (Колюшка, Егорка и пр.). О них рассказывали всевозможные истории, многие из которых имели форму баек или быличек.

По отношению к людям с аномалией ума на Дону использовали термины: *детоумный* [Волгоград, 2011: 139], *глупые*, *блаженные*, *гаврюшки*, *тройки с закрутом*, *дурачки*, *убогие* [ПМА-5: Ананьева]. Довольно часто «глупые» жили мирскими подаяниями. В хуторе Тормосин мы записали рассказы (относящиеся уже к советскому времени) о том, как «глупой» был взят на попечение всего хуторского сообщества: «Глупые ходили по хуторам, побирались. Относились к ним вежливо. Считалось, что надо содержать таких людей. Был у нас Ваня Беглый: сбежал из семьи. Приняли яво в хуторе, как бы воспитанник хутора. Стал он работать в хуторе пастухом, пас по очереди по дворам. Содержали яво все село, по очереди, где работал, там и кормили. Он дурачок был, блаженный. Блаженных уважали, потому что они были богоугодны. Пускали ночевать их, кормили» [ПМА-1: Карагичев]; «Был тут у нас глупой — Гриша Гололобий. И еще два гаврюшка — Саней и Егорка. Но они не у нас, а в Белой балке были.

Гаврюшки — это глупые, так их называли. У Гриши волоса не было, яво называли Гололобый. И вот он набирет куски — а там и белые были, темные были, вот сядет в камышах у речки и говорит: «белый в сумыш (в сумку, значит), а черный — в камыш». Сидит и сортирует хлеб. Видать, неплохо жил. По разным хуторам ходил. И ношивал то у одного, то у другого. У ниво и дома своиво не было. Он уж пожилой был. А Саней с Егоркой, по-видимому, братья. А у Гришки дома не было, *ходил, ношивал и кормился*» [ПМА-4: Недорубов].

Ваня Беглый, Гриша Белолобый и другие «глупые» встречаются в рассказах наших информантов — жителей хутора Тормосин — довольно часто, о них вспоминали все новые детали. По всей видимости, они были известными и почитаемыми членами сельской общины: «Были у нас два брата, глупые они. На Беляевской жили, а к нам милостыню приходили просить. Пройдут несколько дворов, наберут — и домой. Относились к ним хорошо, особенно пожилые. Да и дети не дражили: грешно считалось. Да и старые им (детям. — М. Р.) так навешають, что всю жизнь помнить будуть, костылем наворочиють, — тронь только глупого. Ишо Гриша был Гололобый, белая голова у него. Он у нас годов 20 ходил. Вот его ребятишки дражили. Так он их как натянет! А жаловаться нельзя на него — сам виноват. Эти глупые — пожилые уже были» [ПМА-1: Бурняшева].

Оказание помощи убогим-глупым считалась среди казачьего населения делом богоугодным с религиозной точки зрения и обязательным — с мирской. Зажиточные казаки нередко оказывали им весьма значительную материальную поддержку: «Убогих не обижали... Один отдавал им корову с телком на лето, чтоб они кормились... И если придут к кому, и молоко им давали, и сало» [ПМА-2: Соловьева]. Эта традиция сохранялась и в советское время.

Близким по своему статусу и положению в общине к «глупым» были калеки, среди которых различали — *калек от роду («таким родился»)* и *калек от году («после рождения случилось»)*. Выделение в особую группу «калек от роду» было сопряжено с народными представлениями о том, что рождение ребенка-калеки является следствием прегрешений родителей, например, зачатием их в «неправильное» время: под двенадцатые христианские праздники, в постные и поминальные дни и пр. («Пад гадавые праздники пачаму грех — патаму шта дети радяца то нямы, то кривыи, то сляпыи») [Власкина, 2011: 200].

Калеки и увечные, так же, как и «глупые», обычно кормились мирским подаянием. Накормить, а нередко и приютить на время бродячего калеку также считалось у казаков богоугодным делом.

Люди с физическими недостатками нередко находили себя в общинных религиозных практиках: «Колюшка Слепенький, ну, он слепой с детства был. Ну, всё знал, все моления наизусть. И у них в доме молились, и люди приходили» [ПМА-2: Федорова].

Некоторые из числа «немошных» и калек селились в так называемых кельях (пещерах, вырытых в овраге или в горе), отдаленных от поселений. Они вели аскетический образ жизни, и к ним нередко приходили за советом или молитвой в сложных жизненных ситуациях жители окрестных казачьих поселений, принося с собой хлеб или муку. Так, корреспондент «Казачьего вестника» писал, что в 1871 г. неподалеку от станицы

Нижне-Каргальской в горе было устроено около 20 келий, в которых вместе со стариками жили также «немощные, калеки и безродные» [Н. Г., 1884].

По свидетельству М. Харузина, «убогенькие» обоих полов могли объединяться в артели (*шайки*) и под видом *перехожих старцев* ездить на подводах, посещая людные места (например, ярмарки) и распевать там псалмы [Харузин, 1885: 376], т. е. выполнять религиозную функцию.

Были, однако, в числе аномальных и те, кому общины не позволяли пересекать границу, которая прочерчивалась между ними и здоровыми людьми. Речь идет об аномальных-изгоях, к которым относились те, кто был болен заразной болезнью, плохо поддававшейся лечению: так наз. *крымской*, т. е. проказой, или *французской* — сифилисом. Им устраивали вдали от селения землянки, изредка снабжали их пищей, запрещающая выходить за пределы указанной границы [Щелкунов, 1911: 48].

Нередко уделом людей, имевших физические или умственные ограничения, становилось нищенствование. Впрочем, в отличие от крестьянской среды, нищенство никогда не имело на Дону широкого распространения. Исследователи нищенства в дореволюционной России отмечали его широкое бытование среди крестьян, полагая даже, что оно было неотъемлемой частью русской крестьянской жизни [Прыжов, 1862; Максимов, 1877]. В публикациях, посвященных нищенству, можно найти свидетельства о том, что даже богатые крестьяне ездили на лошадях по деревням и собирали подаяния. Нередкими были случаи, когда нищие изображали из себя слепых или увечных [Мухина, 2013: 2–5]. Занимавшиеся профессионально нищенством как сезонным промыслом группировались в артели вокруг воза, на который складывали собранное подаяние [Мужики и бабы, 2005: 14]. Некоторые из них превращали нищенство в «трудовую деятельность», продавая крестьянам собранный их же пожертвованиями хлеб [Мухина, 2013: 2–5].

Отмечали исследователи и особый — высокий — статус части нищих среди русских крестьян: «Некоторые сознательно пускались «с сумой по миру» вследствие каких-либо обстоятельств: погорельцы, бобыли, беглые, увечные, пострадавшие в результате «морových поветрий», неурожаев и др. В этом случае добровольное нищенство считалось особым видом подвижничества, а нищенство сливалось в народном сознании с образом странника и паломника, «бродящих» по миру, живущих «тем, что Бог подаст» [Мужики и бабы, 2005: 14].

Что касается казачьего Дона, то, по свидетельству М. Харузина, здесь нищенствовали преимущественно *иногородние*, т. е. люди, проживавшие в казачьих поселениях, но не являвшиеся казаками. Они также собирались в артели, переходя или переезжая из одного казачьего поселения в другое.

Нехарактерность нищенствования среди самих казаков объясняется двумя обстоятельствами: их более зажиточным (по сравнению с крестьянами) состоянием и так называемой казачьей сословной честью. Священник станицы Калитвенской утверждал, «что между казаками нет нищих, и не в обычае — ходить по дворам с просьбами о милостыни, как то бывает в России». Он приводил и конкретный пример, рассказывая, что обедневший после пожара казак из хутора Груциновского пошел было просить милостыню, но вскоре получил запрет от местных властей с пояснением, что «это потому-де, что он унижает казачье сословие» [Крылов, 1884].

Помимо этого, казачьи общины принимали меры для того, чтобы не допустить окончательного разорения беднейших семей или попавших в трудную жизненную ситуацию (пожар, смерть или болезнь главы семьи и пр.). Для помощи таким семьям выделялись деньги из станичных касс, организовывались так называемые *помочи* — коллективные работы, например, при строительстве или обмазке глиной дома (особенно часто — погорельцам) [Архив Государственной Третьяковской галереи. Ф. 112. Д. 3. Л. 5].

Надо отметить, что в реальной жизни казачьих поселений случаи нищенствования все же встречались, хотя, действительно, не так часто, как в крестьянской среде, и были связаны обычно с ситуациями ограничения умственных или физических возможностей людей. Жили милостыней, как уже отмечалось выше, и «глупые», и калеки. Местные названия нищих на Дону — *побирушка, побирун, побирушник* [Словарь донских говоров: 426]; нищенствования — *сбирать куски, кусошничать, ходить по людям, милостыню просить*.

Так же, как и в крестьянском мире, среди казаков бытовало мнение, что оказание помощи нищим является делом богоугодным. Особую щедрость при этом проявляли старообрядцы, нередко устраивавшие для нищих артелей обеды [Харузин, 1885: 376].

Принадлежность донских казаков к особому военно-служилому сословию откладывала отпечаток на положение в рамках общины практически всех половозрастных групп [Рыблова, 2022], в том числе и некоторых аномальных (например, вдов, сирот и незаконнорожденных). Фактор воинской службы, выполняемой мужчинами-казаками, приводил в том числе и к нередким случаям увечий, получаемых ими на войне или на военных сборах. Такие люди освобождались от действительной воинской службы, но казачья община давала им возможности для обретения нового статуса. Больные и увечные из числа казаков призывного возраста, не имевшие возможности нести строевую службу, поступали на так называемую «внутреннюю службу». Они назначались *табунщиками (отарщиками)* в станичные конно-плодовые табуны, или выполняли функции лесных сторожей [Харузин, 1885: 272]. Табунщиков-отарщиков приписывали к станичным конно-плодовым табунам, и им зачитывался уход за лошадьми в счет воинской службы. Специальным указом Войсковой канцелярии 1777 г. определялось освобождать табунщиков «чрез весь год в службы, походы и ни в какие тягости не употреблять» [Щелкунов, 1911: 41]. Они получали также плату за выпас (по 13 коп. за каждую лошадь), а также муку и пшено из войскового магазина. Сами казаки называли эту обязанность *кобыльей повинностью* [«Кобыльья повинность», 1907].

Отарщики устраивали регулярные обходы дворов, во время которых вносили дополнительную плату с хозяев деньгами (по 15 коп. с лошади), а также мясом, хлебом, овощами и пр. М. Ветров так описывал отарщицкие обходы дворов, совершаемых в станице Раздорской в 1880-х гг.: «Входит в комнату толпа отарщиков, какой — с торбой овса, висящей на веревке через плечо; этот коновод, переступая через порог, даже не перекрестясь по обычаю, берёт из торбы горсть овса, бросает его в передний угол к образам, потом по сторонам по всей комнате, с каждым взмахом руки приговаривает один из следующих стишков:

«На коня,
На кобылу,

На сивую гриву,
На волнистый хвост,
На стопу блинов,
На бутылку водки,
На меру пшеницу,
На букатку мяса,
На рубль денег...».

Хозяева сажали обходчиков за стол, подносили рюмку водки, кормили и одаривали — в зависимости от количества содержащихся в отаре от их семьи лошадей [Ветров, 1880].

Этот обряд, с одной стороны, отсылает к общерусской традиции почитания и кормления пастухов в особые дни календарного года [Щепанская, 2005: 441], а с другой — указывает на связь отарщиков с калядовщиками и посевальщиками, за образами которых исследователи видят предков, приходящих в святочные дни в мир живых [Виноградова 1982: 152–153], или посредников между теми и другими. То обстоятельство, что отарщики образовывали собственные группы для святочных обходов, указывает на то, что и сами они, и их одностаничники признавали за ними особый статус, обусловленный их пограничным состоянием между нормой и не-нормой и возможностью символического путешествия между мирами и обеспечения связи миров (того и этого).

Халаумные и обмершие

К числу аномальных относились и люди с психическими нарушениями. Таких людей могли называть умалишенными, подчеркивая их «недостаточность». Тех, кто имел психические расстройства с агрессивной формой поведения (в отличие от «глупых») и характеризовались избытком энергии, агрессии, назывались *халаумными*. Иногда оба термина смешивали применительно к одной группе. Автор газетной заметки о халаумных станицы Константиновской называл их умалишенными, сетуя на то, что даже местные власти (не говоря уже об обывателях) относятся к ним «как-то благосклонно и почтительно», несмотря на то, что ведут они себя весьма агрессивно: ругают на улицах прохожих самыми площадными словами, бьют дрекольем соседей и сторонних» [Константиновская станица, 1887].

По всей видимости, за снисходительным отношением к халаумным стояла не только добросердечность станичников, но и древние народные представления об особом, сакральном статусе таких людей. Наличие особой силы, понимаемой в качестве «нездешней», а также состояние некоего боевого бешенства являются признаками многих эпических героев. Если же обратиться к этимологии слова «халаумный», то через корень этот термин оказывается связанным с болгарским *охаѣн* (зажиточный) и *охаѣльник*, а через *šel, sal* также со словом *шалить, шалеть* — сходить с ума, беситься (польск. *szal* — бешенство, лит. *šela* — ярость) [Фасмер, 1987: 50]. Как видим, термин фиксирует не недостаток, а наоборот, избыток по отношению к норме.

В связи с этим показательно и замечание Ю. М. Лотмана о том, что дураки отличались от умных тем, что демонстрировали дополнительную свободу в нарушении запретов, были непредсказуемы, могли совершать поступки, запрещенные для «нормального человека» [Лотман, 2000: 41]. Именно с этим связан и особый статус умалишенных

практически во всех традиционных сообществах, где им отводилось место людей, отрезанных от мира, а потому приближенных к иномирию.

Пограничный статус имели и так называемые *обмершие*. К этой категории относились люди, впавшие в состояние летаргического сна, а затем «очнувшиеся». После этого они, как правило, резко меняли условия своей жизни, а в народе слыли в качестве людей, обладавших особыми способностями [Толстые, 1979: 63–65].

О широком распространении этого феномена в донских поселениях с тревогой писал в 1876 г. корреспондент «Донской газеты». Он приводил пример появления одного за другим обмерших в станице Михайловской. В их числе были и «приходящие» из других мест, и свои — станичные. Об одном из местных — казаке Бардине — автор заметки писал, что он для особой «таинственности» принимал желающих узнать свою судьбу, лежа на печи в окружении множества горящих свечей [Из станицы Михайловской, 1876].

В станице Котовской нами был записан рассказ о Насте Святой, которая имела дар предсказывать судьбу. Эту способность и статус святой она получила после того, как однажды «обмерла»: «3 дня была во сне, без памяти». Придя в себя, она объявила мужу о своем намерении не жить далее с ним, но попросила оставить ее в семье. Ей выделили в доме отдельную комнатку, где она проводила дни в молениях. По словам одностаничников, Настя пользовалась с их стороны большим уважением, а ее предсказания сбывались [ПМА-3: Титова]. Именно приближенность к иномирию, последовавшая вслед за «обмиранием», способствовала (по народным представлениям) открытию у обмерших способностей к пророчествованиям.

Заключение

Таким образом, выделяя группу людей с ограниченными или особыми физическими и умственными возможностями и фиксируя их положение с помощью особых терминов, традиционная казачья община в то же время проявляла к ним особое внимание и заботу. Оказание помощи убогим, калекам, нищим и другим считалась среди казачьего населения делом богоугодным с религиозной точки зрения и обязательным — с мирской. Зажиточные казаки нередко оказывали им весьма значительную материальную поддержку.

Важнейшей чертой перечисленных выше категорий аномальных (помимо непарности) был их пограничный статус. Иногда он проявлялся физически, когда аномальные селились за чертой поселения, выходили за рамки семейной жизни, бродяжничали и пр. Могла пограничность проявляться и символически, когда аномальные брали на себя функции обеспечения связи мирских людей с сакральным миром (моления, обходы дворов, исполнения псалмов и пр.). За некоторыми из числа аномальных признавался статус «знающих», т. е. владеющих сакральными знаниями. В целом можно констатировать, что в рамках общины эти группы людей не только получали материальную и моральную поддержку, но и находили свое место (несмотря на ограниченность возможностей) в духовной и социальной сферах жизни общинного мира.

Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания ЮНЦ РАН на 2024 г. (00–24–15, № госрегистрации 124012200178–4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the state task of the UNC RAS for 2024 (00–24–15, state registration no. 124012200178–4, PFNI direction 6.1.2.8).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Архив Государственной Третьяковской галереи. Ф. 112. Д. 3.
- Березович Е. Л. «Вдова» и «сирота» в славянских языках // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Folia 90. Studia Russologica IV* (2011). Kraków, 2011. S. 15–21.
- Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л. : Наука, 1988. 274 с.
- Ветров М. Станица Раздорская на Медведице. Статистико-экономический очерк // *Донские областные ведомости*. 1880. № 61.
- Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М. : Наука, 1982. 256 с.
- Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX вв.). Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 432 с.
- Власкина Т. Ю. К вопросу о трансформации славянских культурно-языковых стереотипов: «найденный» ребенок в традиционной культуре и говорах Дона // *Синергетика образования: межвузовский сборник (выпуск шестой)*. Вторые Международные Кирилло-Мефодиевские чтения. М. ; Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2006. С. 234–243.
- Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // *Славянские древности*. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 293–297.
- Из Михайловской станицы // *Донская газета*. 1876. № 76.
- «Кобыля повинность» // *Донская жизнь*. 1907. № 24.
- Константиновская станица // *Донская газета*. 1877. № 34.
- Крылов А. Летопись Калитвенской церкви // *Донские епархиальные ведомости*. 1884. № 17.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв // *Семиосфера*. СПб., 2000. 704 с.
- Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1877. 465 с.
- Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб. : Искусство СПб., 2005. 688 с.
- Мухина З. З. Нищенство и нищенки в русской крестьянской среде Европейской России (вторая половина XIX — начало XX века) // *Вестник Пермского университета*. 2013. № 2 (23). С. 1–9.
- Мухина З. З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Политика и Общество*. 2013. № 3. С. 322–329.
- Н. Г. Из донской старины // *Казачий вестник*. 1884. № 19.
- Прокопьева Н. Вдовство // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб. : Искусство СПб., 2005. С. 86–90.
- Прыжов Н. Нищие на Святой Руси: Материалы для истории общественного и народного быта в России. М. : Тип. И. Смирновой, 1862. 300 с.

Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279–292.

Рыблова М. А. Казаки и казачки в обрядовой и трудовой жизни донской общины. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 384 с.

Рыблова М. А., Когитина А. В. Старые девы в донской казачьей семье и общине в XIX — начале XX в. // Астраханские Петровские чтения. Астрахань : Астраханский университет, 2019. С. 216–219.

Современный русский толковый словарь Ефремовой. Словари и энциклопедии на академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/257146/Убогий?ysclid=lsa66tutt080250022> (дата обращения: 10.12. 2023).

Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.

Толстые Н. И. и С. М. О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. Тарту: ТГУ, 1979. С. 63–65.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. I. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.

Щелкунов С. Войско Донское при атамане А. И. Иловайском // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. X. Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1911. С. 39–51.

Щепанская Т. Пастух // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб. : Искусство СПб, 2005. С. 440–445.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА-1. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ. 1999. Тетрадь 2. (Информанты: Бурняшева П., 1908 г. р., хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл.; Карагичев И., 1923 г. р., хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл.).

ПМА-2. Материалы этнографической практики студентов-регионоведов ВолГУ, 1999. (Информант: Соловьева О. В., 1926 г. р., хут. Бирюков; Федорова М. И., 1927 г. р., хут. Морской Чернышковского р-на Волгоградской обл.).

ПМА-3. Полевые записи М. А. Рыбловой 1998 г. в ст-це Котовской Урюпинского р-на Волгоградской обл. (Информант: Титова Т. В.).

ПМА-4. Полевые записи Рыбловой М. А. 1999 г. в хут. Тормосине Чернышковского р-на Волгоградской обл. (Информант: Недорубов А. П., 1909 г. р.).

ПМА-5. Полевые записи М. А. Рыбловой 2000 в ст-це Усть-Хоперской. (Информант: Ананьева А. Е., 1914 г. р.).

REFERENCE

Arhiv Gosudarstvennoj Tret'yakovskoj galerei [Archive of the State Tretyakov Gallery]. Fund 112. File. 3 (in Russian).

Berezovich E. L. “Vdova” i “sirota” v slavyanskikh yazykakh [“Widow” and “orphan” in Slavic languages] *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*. Folia 90. *Studia Russologica* IV (2011). Kraków, 2011. P. 15–21 (in Russian).

Bernshtam T. A. *Molodezh' v obryadovoj zhizni russkoj obshchiny* [Youth' in the ritual life of the Russian community]. L.: Nauka, 1988, 274 p. (in Russian).

Vetrov M. Stanica Razdorskaya na Medvedice. Statistiko-ekonomicheskij ocherk [The village of Razdorskaya on the Bear. Statistical and economic essay] // *Donskie oblastnye vedomosti* [Don regional news] 1880, no. 61 (in Russian).

Vinogradova L. N. *Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnyh i vostochnyh slavyan* [Winter calendar poetry of Western and Eastern Slavs] M.: Nauka, 1982, 256 p. (in Russian).

Vlaskina T. Yu. *Domashnij mir na slome epoh. Ocherki tradicionnoj kul'tury donskih kazakov (konec XIX — seredina XX vv.)* [The home world at the break of the epochs. Essays on the traditional culture of the Don Cossacks (late XIX — mid XX centuries)] Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, 2011, 432 p. (in Russian).

Vlaskina T. Yu. K voprosu o transformacii slavyanskih kul'turno-yazykovyh stereotipov: "najdennyj" rebenok v tradicionnoj kul'ture i govorah Dona [On the issue of the transformation of Slavic cultural and linguistic stereotypes: a "found" child in the traditional culture and dialects of the Don] *Sinergetika obrazovaniya. Mezhdunarodnyj sbornik (vypusk shestoj). Vtorye Mezhdunarodnye Kirillo-Mefodievskie Chteniya* [The synergetics of education. Interuniversity collection (issue six). The Second International Cyril and Methodius Readings.] M.; Rostov-na-Donu: zdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. P. 234–243 (in Russian).

Iz Mihajlovskoj stanicy [From Mikhailovskaya stanitsa] *Donskaya gazeta* [Don newspaper]. 1876, no. 76 (in Russian).

"Kobyl'ya povinnost'" ["Mare's duty"] *Donskaya zhizn'* [Don life] 1907, no. 24 (in Russian).

Konstantinovskaya stanica [Konstantinovskaya stanitsa] *Donskaya gazeta* [Don newspaper]. 1877, no. 34 (in Russian).

Krylov A. Letopis' Kalitvenskoj cerkvi [The Chronicle of the Kalitven Church] *Donskie eparhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette]. 1884, no. 17 (in Russian).

Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Cultural explosion] Semiosfera. SPb., 2000, 704 p. (in Russian).

Maksimov S. V. *Brodyachaya Rus' Khrista-radi* [Wandering Russia for Christ's sake] Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1877, 465 p. (in Russian).

Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture. Illyustrirovannaya enciklopediya [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. An illustrated encyclopedia]. SPb.: Iskusstvo SPB, 2005, 688 p. (in Russian).

Muhina Z. Z. Nishchenstvo i nishchenki v russkoj krest'yanskoj srede Evropejskoj Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Begging and beggars in the Russian peasant environment of European Russia (the second half of the XIX — early XX century)] *Vestnik Permskogo universiteta* 2013, no. 2 (23). P. 1–9 (in Russian).

Muhina, Z. Z. Pravovoe polozhenie vdovy v russkoj krest'yanskoj srede: tradicii i novacii (vtoraya polovina XIX-nachalo XX v.) [The legal status of the widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the XIX-beginning of the XX centuries.)] *Politika i Obshchestvo* [Politics and society], 2013, no. 3. P. 322–329 (in Russian).

N. G. Iz donskoj stariny [From the Don antiquity] *Kazachij vestnik* [Cossack Herald]. 1884, no. 19 (in Russian).

Prokop'eva N. Vdovstvo [Widowhood] *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture. Illyustrirovannaya ehnciklopediya* [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. An illustrated encyclopedia] SPb.: Iskusstvo-SPB, 2005. P. 86–90 (in Russian).

Pryzhov N. *Nishchie na Svyatoj Rusi: Materialy dlya istorii obshchestvennogo i narodnogo byta v Rossii* [Beggars in Holy Russia: Materials for the history of social and national life in Russia] Moskva: Tip. I. Smirnovoj, 1862, 300 p. (in Russian).

Ryblova M. A. Vdovy v tradicionnoj sem'e i obshchine donskih kazakov [Widows in the traditional family and community of the Don Cossacks] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2021, vol. 66, is. 1. P. 279–292 (in Russian).

Ryblova M. A. *Kazaki i kazachki v obryadovoj i trudovoj zhizni donskoj obshchiny* [Cossacks and Cossacks in the ceremonial and working life of the Don community] Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN, 2022, 384 p. (in Russian).

Ryblova M. A., Kogitina A. V. Starye devy v donskoj kazach'ej sem'e i obshchine v XIX — nachale XX v. [Old maidens in the Don Cossack family and community in the XIX — early XX century.] *Astrahanskije Petrovskie chteniya. Astrahan'*: Izdatel'skij dom “Astrahanskij universitet”, 2019. P. 216–219 (in Russian).

Sovremennyj russkij tolkovyj slovar' Efremovoj [Modern Russian dictionary by Efremova] *Slovari i ehnciklopedii na akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the academic] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/257146/Убогий?ysclid=lsa66uttt080250022> (accessed December 10, 2023) (in Russian).

Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region] Volgograd: Izdatel', 2011, 704 p. (in Russian).

Tolstye N. I. i S. M. O zhanre “obmiraniya” (poseshcheniya togo sveta) [About the genre of “death” (visits to that world)] *Vtorichnye modeliruyushchie sistemy* [Secondary Modeling Systems]. Tartu: TGU, 1979. P. 63–65. (in Russian).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (V 4-h tomah). M.: Progress, 1987, vol. 3, 832 p. (in Russian).

Haruzin M. *Svedeniya o kazackih obshchinah na Donu. Materialy dlya obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don. Materials for customary law] M.: Tip. M. P. Shchepkina, 1885, is. I, 388 p. (in Russian).

Shchelkunov S. *Vojsko Donskoe pri atamane A. I. Ilovajskom* [Vojsko Donskoe pri atamane A. I. Ilovajskom] *Sbornik oblasti vojska Donskogo statisticheskogo komiteta* [Collection of the Region of the Army of the Don Statistical Committee]. Vyp. X. Novoherkassk: Oblastnaya vojska Donskogo tipografiya, 1911. P. 39–51 (in Russian).

Shchepanskaya T. Pastuh [Shepherd] *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture. Illyustrirovannaya enciklopediya* [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. The Illustrated Encyclopedia]. SPb.: Iskusstvo SPB, 2005. P. 440–445 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.02.2024

Принята к публикации: 20.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024